

УДК 94(2):930

Рыжова Мария Михайловна

аспирант, Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Россия, Санкт-Петербург)

ORCID: 0000-0002-3530-7681

E-mail: mariamih@yandex.ru

**Карты Д. Н. Вергуна как один из инструментов структурирования
русской националистической мысли начала XX в.**

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу географических карт, используемых в периодической печати Российской империи начала XX в., для формирования образа конкретного пространства, которому было предписано подвергаться политическому контролю или входить в национальную территорию России. Через националистическую оптику одного из участников русского националистического движения конца XIX — начала XX вв., Дмитрия Николаевича Вергуна, происходил процесс формирования ментальной карты «Зарубежной Руси» — территории Восточной Галиции, Северной Буковины и северо-восточных комитатов Венгрии («Угорской Руси»). Для создания образа исконных территорий, принадлежащих «русскому народу», Вергун использовал все доступные средства, или, точнее, «каналы» коммуникации, применяемые в соответствующей исторической эпохе. Это формирование происходило с помощью национального нарратива в устной и письменной форме, в том числе и в стихотворных произведениях, а также с помощью визуализации описываемых территорий посредством географических карт. Его первая значимая работа «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах» вышла в Вене в 1905 г. Информативность текста брошюры не была бы полной без карты, выпущенной в качестве приложения, которая наглядно иллюстрирует фактический материал, изложенный в работе. Однако указанная карта не имела такого распространения вне брошюры, как другая карта, составленная позже Д. Н. Вергуном для работы «Что такое Галиция?»

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский национализм начала XX в., Д. Н. Вергун, «Зарубежная Русь», Карта немецких захватов, этнографическая карта, ментальная карта

УДК 94(470.5)''17/19'':930.25

Maria M. Ryzhova

PhD student, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) RAS (Russia, St. Petersburg)

ORCID: 0000-0002-3530-7681

E-mail: mariamih@yandex.ru

**D. Vergun's maps as a tool for structuring Russian nationalist idea
in the early 20th century**

ABSTRACT. The article analyzes geographical maps used in the periodical press of the early 20th century Russian Empire to form the image of a particular space, which was prescribed to be a subject of political control or to be part of the national territory of Russia. The process of the formation of the mental map of the "native Russian land", the so-called "Foreign Russia" — the territory of Eastern Galicia, Northern Bukovina and north-eastern counties of Hungary ("Ugrian Rus'") took place through the nationalistic optics of Dmitry Vergun, one of the representatives of the Russian nationalist movement of the late 19th — early 20th centuries. In order to form the image of the ancestral territories belonging to the "Russian people", Vergun used all available means, or, more precisely, "channels" of communication used in the corresponding historical epoch. This formation took place by means of the national narrative in oral and written form, including poetry, as well as by means of the visualization of the territories described with help of geographical maps. His first significant work, "The German Drang nach Osten in Numbers and Facts", was published in Vienna in 1905. The brochure text was supplemented by a map, issued as an appendix to illustrate the content of this work. However, this map was not as widespread outside the brochure as another map made later by D. Vergun for the work "What is Galicia?"

KEYWORDS: early 20th century Russian nationalism, D. Vergun, "Foreign Russia", Map of German Conquests, ethnographic map, mental maps

«ЗАРУБЕЖНАЯ РУСЬ»

Проблемы восточнославянского населения, проживавшего за пределами Российской империи, часто оказывались в фокусе внимания многих российских общественных деятелей конца XIX — начала XX в. Три компактно населенные восточными славянами области Австро-Венгрии — восточная часть Галиции, северная часть Буковины и территория, часто называемая Угорской Русью, традиционно воспринимались представителями национально-ориентированных кругов как «Зарубежная Русь», то есть неотъемлемая часть единого этнического, культурного и духовного пространства «исторической Руси». Националистическое движение в России начала XX в. имело в основе своего мировоззрения представление о единстве русского народа вне зависимости от государственных границ. При этом слово «народ» понималось в контексте так называемой русской идеи, не как государственное понятие, а как общность людей с единым культурно-бытовым укладом, сложившимся на основе единых исторических корней. Многие российские мыслители, такие как Б. Н. Бердяев, П. Н. Миллюков, Е. Н. Трубецкой, И. А. Ильин, Д. С. Мережковский и др., формировали идеологемы этого мировоззрения, которые затем подхватывали представители русской интеллигенции, государственные и политические деятели. А. И. Миллер в своей книге «Империя Романовых и национализм» обратил внимание на то, что в рамках «логики дискурса общерусской нации» границы «русской национальной территории» выдвигались за пределы Российской империи, в населенные восточными славянами области Габсбургской монархии. Дискурс о Червонной Руси (Восточной Галиции) и Угорской Руси (Буковине и современной Закарпатской Украине) представлял собой «дискурс националистической ирриденции»¹.

Термин «Зарубежная Русь» широко использовался в России в начале XX в., особенно в публицистике националистического толка, для обозначения некоего отдельного замкнутого трехсоставного пространства, воспринимаемого вместе с тем неотъемлемой частью «исконно русской» земли. Заметим, что иногда «Зарубежной Русью» именовалась вся совокупность зарубежных восточнославянских сообществ, включая, например, русскую/русинскую диаспору в Америке². Синонимами термина «Зарубежная Русь» в его основном значении являются термины «Карпатская Русь», которым в XIX в. часто обозначалась территория, населенная русинами Австро-Венгрии³, а также использовавшееся русскими националистами стилистически окрашенное понятие «Подъяремная Русь»⁴.

Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951)

В начале XX в. появляются издания, которые фиксируют значение понятия «Зарубежная Русь» в пределах Галиции, Буковины, Угорской Руси. Одним из ярких представителей интеллигенции, вовлеченных в конструирование в российском обществе образа «Зарубежной Руси», был Дмитрий Николаевич Вергун (1871–1951), который сыграл одну из ключевых ролей в конкретизации дискурсивного образа «Зарубежной Руси», наполнении его целостным историческим и культурным содержанием с помощью целого комплекса средств: публицистических текстов, визуальной репрезентации (с использованием географических карт), а также художественными средствами — через поэтическое творчество. Его публицистическая, литературная, общественная, образовательная деятельность были направлены на популяризацию и формирование идейной составляющей славянского движения, как в России, так и за ее пределами. Издатель и редактор журнала «Славянский

¹ Миллер А. И. Империя Романовых и национализм. М., 2006. С. 162.

² См.: Васильев А. В. Зарубежная Русь. I, II. Русь Прикарпатская. Русь в Америке. СПб., 1905; После событий, вызвавших массовую миграцию с территории бывшей Российской империи, периферийное значение, обозначавшее не исторические территории, принадлежавшие когда-то Руси, а то культурное пространство, которое образовалось за пределами российского государства, благодаря в основном культурно-просветительской деятельности эмигрантов, стало называться «Зарубежная Русь». Однако оно является синонимичным по отношению к более употребляемому термину — «русское зарубежье», сформированному в общественно-политическом и публицистическом дискурсах. Для эмигрантов понятие «зарубежье» мыслилось как часть России. Термин «Зарубежная Русь» преобразовался в термин, обозначающий некое «социальное пространство», где протекает деятельность носителей русской культуры за рубежом.

³ Суляк С. Г. К вопросу о терминологии Карпатской Руси // Русин. 2019. № 55. С. 272.

⁴ Из Подъяремной Руси // Славянский век. 1904. № 88. С. 488–492.

век», выходявшего в Вене в 1900–1905 гг., журналист и редактор газеты «Новое время», автор брошюр и стихотворных произведений, член и товарищ председателя «Галицко-русского благотворительного общества», член «Славянского благотворительного общества», «Общества славянской взаимности», Д. Н. Вергун был одним из тех, кто доносил до общества как общие идеи славянского движения, так и идеи, связанные непосредственно с проблемами восточнославянского населения, проживавшего за пределами Российской империи. Формирование образа «Зарубежной Руси» в работах Д. Н. Вергуна имело корреляцию с внешнеполитическими планами России в Первой мировой войне. В ходе войны было создано подразделение под названием Особый политический отдел (ОПО). Документы ОПО, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, говорят о политических целях Российской империи этого периода в проведении границы «русской народности Галиции, Угорской Руси и Буковине» согласно этническим принадлежностям. Среди экспертов, которых ОПО привлек для написания аналитических записок по проблемам Галиции, был и Д. Н. Вергун⁵.

В своей деятельности редактора, публициста и общественного деятеля Д. Н. Вергун стремился создать представление о «Зарубежной Руси», опираясь на визуальную и вербальную репрезентацию пространства, создавая и применяя географические карты в качестве неотъемлемой части своих работ.

ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ КАРТА — ИНСТРУМЕНТ НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Опираясь на работы современных исследователей национализма, можно сказать, что в начале XX в. карта становится мощным инструментом националистического дискурса⁶. Среди выделенных Б. Андерсоном трех институтов власти (перепись населения, карты и музей), способствующих формированию представления о принадлежности к той или иной нации, создаваемых и используемых представителями интеллектуального сообщества, карте принадлежит функция структурирования через печать воображения жителей⁷. Конкретизируя проекции на земную поверхность, карта является инструментом националистического дискурса, «парадигмой, в рамках которой осуществлялись административные и военные действия»⁸. Из перечисленных «институтов власти» именно карту Вергун поместил в центр своего дискурса, соотнося картографическую информацию с данными критической оценки переписи населения. Картографический способ визуализации пространства, используемый Д. Н. Вергуном в двух основных его работах — «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах» и «Что такое Галиция?», способствовал более четкому восприятию читателем описываемой в этих текстах территории, то есть формированию так называемых ментальных карт.

Карта немецких захватов и притязаний на славянской земле и Ближнем Востоке

Первая значимая работа Д. Вергуна была опубликована в Вене в 1905 г. под названием «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах». Несмотря на то, что объем этой «брошюры», как называл издание сам его автор, был всего 67 страниц, эта работа стала отправной точкой в публицистической деятельности Д. Н. Вергуна и, с точки зрения формирования идеологических основ его творчества, носила характер программного документа.

Исходя из характерной для этого периода националистической оптики, структурировавшей исторический опыт славянских народов посредством идеологемы векового противостояния славянского и германского «миров», и подкрепляя эту идеологему комплексом данных о колониализме

⁵ Миллер А. И. Империя Романовых... С. 175.

⁶ См., например: Миллер А. И. Ментальные карты историка и связанные с этим опасности // Исторические записки. М., 2002. Вып. 5. С. 323–333; Шенк Ф. Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе // Политическая наука. Политический дискурс: история и современные исследования. 2001. № 4. С. 4–17; Harley J. Deconstructing the Map // Cartographica. 1989. Vol. 26. S. 1–20; Harley J. Cartography, Ethics and Social Theory // Cartographica. 1990. Vol. 27. S. 1–24.

⁷ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М., 2016. С. 279.

⁸ Там же. С. 283.

Германской империи, Вергун рисовал в своей брошюре образ надвигающейся на славянский мир угрозы германского порабощения. В этом ему вольно или невольно помогало огромное количество зарубежных и российских ученых, философов, публицистов XIX–XX вв. (Д. Менделеев⁹, А. Будилович, М. Меньшиков, М. Драгоманов, А. Брюкнер, И. В. Ягич, Э. Богуславский, Л. фон Ранке, К. Маркс, Ф. Лассаль, Г. фон Трейчке, А. Руге, Ф. Лист, В. Рошер, О. Мейтзен, К. Иро, Т. Моммзен, К. Лампрехт и др.), работы которых Вергун привлекал в «обоснование» своего тезиса. Теоретическое подтверждение германской угрозы подкреплялось конкретными статистическими данными, собранными профессором П. Лангхансом, опубликованными в изданиях института Юстуса Пертеса в Готе, в частности в немецком географическом журнале «Deutsche Erde»¹⁰. Для того чтобы структурировать исторические и статистические данные, Вергун использовал в работе составленную им «Карту немецких захватов и притязаний на славянской земле и Ближнем Востоке», снабженную списком источников, статистикой и объяснением знаков (см. цв. вклейку, рис. 21). Восточная Галиция и Северная Буковина представляют собой составную часть той территории, которую, по мнению Вергуна, утратила Россия в ходе многовековой борьбы германского и славянского миров. Примечательно, что ставя вопрос подобным образом и используя такую наглядную форму для представления своих выводов, как карта, Вергун тем не менее с первой же страницы спешил предупредить читателя: «Руководящая цель карты и брошюры не разжигание человеконенавистнической вражды к немцам, а призыв славян к соревнованию на той же культурной почве для сохранения нынешней славянской языковой территории», и что притязания немцев на новые земли, вызванные «теснотой немцев в Германии», могут быть направлены в сторону Африки и Южной Америки¹¹. Что касается территории, которая впоследствии Вергуном будет называться «Зарубежной Русью», она не была еще выделена в отдельное пространство, а включена в обширную территорию, захватываемую «врагом». На этом пространстве обозначены исключительно населяющие его славянские народы: поляки, словаки, угро-россы, червонно-россы.

До выхода в свет отдельным изданием в 1905 г. работа печаталась частями в качестве приложения к номерам журнала «Славянский Век» за 1904 г. под рабочим названием «Немецкие захваты и притязания на Славянской земле и в Ближнем Востоке». Карту «немецких захватов» Д. Вергун поместил в качестве иллюстрации к первому появившемуся приложению к номеру¹². Составленная Вергуном карта представляет собой обзорную географическую карту на листе размером 65 x 65 см. Текст, помещенный на периферии карты, играет роль аргументационного аппарата: в левом верхнем углу приведены источники, используемые автором, которые должны были убедить читателя в том, что картографируемый материал является истинным, в то же время карта содержит в левом нижнем углу кратко изложенные статистические данные, представленные в брошюре, в правом нижнем углу — легенду. Центральное место на карте занимает Россия, графические обозначения топонимов позволяют сразу различить такие названия, как «Россия», «Малороссы», «Белороссы», «Русское или Черное море» и т. д. Стиль текстового изложения, как и графическое воспроизведение местности, говорит о том, что информация направлена на восприятие широким кругом читателей, принадлежащим к разным слоям общества. Эта карта, несомненно, уже тогда воспринималась важным инструментом идеологического дискурса. Так, Д. Н. Вергун в декабрьском выпуске «Славянского Века» пишет о том, что в 1904 г. журнал при пересылке подписчикам в Россию подвергался почтовой цензуре. Цензура, по словам Вергуна,

⁹ Имеется в виду работа Д. И. Менделеева «Заветные мысли», опубликованная в 1905 г., в которой ученый обосновывает идею уязвимости славянских территорий (Менделеев Д. И. Заветные мысли. СПб., 1903–1904).

¹⁰ Вергун Д. Н. «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах». Вена, 1905. С. 8.

¹¹ Там же. С. 1.

¹² См. подробнее: Славянский век. 1904. № 89. «Славянский век» издавался в Вене с 1900 по 1905 г., и этот период он был «единственным всеславянским периодическим изданием на русском языке с сильной русофильской направленностью» (Фоминых С. Ф., Зиновьев В. П. Журнал «Славянский век» как источник по истории русинов // Русин. 2015. № 1 (39). С. 85). На страницах журнала печатались статьи ученых историков, филологов-славистов, таких как Н. Н. Дурново, Г. А. Ильинский, политических и общественных деятелей, публицистов, среди которых были А. В. Васильев, С. Радич, Ф. Подгорник, Е. И. де-Витте и др.

«особенно, провинциальная, (в Варшаве, Одессе и др.) не только марала целые страницы <...>, но и вырезала или вырывала целые листы», в том числе «Карту немецких захватов»¹³.

Вергун придавал большое значение картам в просветительской деятельности и образовательной сфере. Так, в издаваемом им журнале «Славянский Век» в 1904 г. появилась статья «Что нужно русской школе?» за авторством В. Горлова, в которой говорилось о значимости географических карт в восприятии населением в целом и в образовательном процессе в частности. Описывая «последствия антинационализма», который, по словам автора, господствовал в этот период в высших кругах в России, автор критикует используемые в школьном образовании дидактические материалы:

Русская идея охотно унижается. Возьмем для примера «Учебный Географический Атлас» А. Ильина. Его этнографическая карта, кажется имеет целью не только уменьшить значение славянской расы, но и отрицать её единство. Литовцы и немцы отмечены почти одинаковой краской (это имеет громадное значение для детских умов). Но зато есть громадная разница в красках, показывающих малороссов и великороссов. Вместо того, чтобы перейти условные политические границы и показать, где в действительности кончается русское племя, карта, по примеру немецких, оканчивается политическими границами. Это очень важный недочет. <...> В высшей степени сложная карта дает 46 названий племен <...> и там встречаются названия, не имеющие ни смысла, ни значения. Лопари, мордва, зыряне, вогулы, аварцы, табасаранцы, мухадаре, адыге, калмыки и т. д. Если эти народы, принадлежащие к исчезающим или уже исчезнувшим племенам, еще и существуют, то ради чего загромождать их названиями мозги ученика? Но зато ему не преподают никогда, что 6 ½ миллионов русских живут по ту сторону условной политической границы. Россия единственная в мире страна, в которой возможно такое варварское и даже предательское преподавание!¹⁴

Автор противопоставляет политику «антипатриотизма» России политике «патриотизма» в других странах, приводит в пример карты «англо-саксонской расы», воспитания патриотических чувств в Швейцарии и т. д., говорит об опасности, которая подстерегает славянство.

Право можно подумать, что пангерманский комитет или какой-нибудь Густав-Адольф-Ферейн составляет учебники истории и географии для русских детей. Славянское происхождение, славянская раса вместо того чтобы быть опозоренной, обоготворенной, всюду унижается, отрицается¹⁵.

Цель учебных географических карт, по словам автора статьи, — воспитание «сознания и гордости своего славянского происхождения и чувство славянской взаимности», а для достижения этой цели необходимо использовать в том числе и «атлас менее сложный, чем теперешний, и не более сложный учебник истории». Кроме общих образовательных идей славянского движения автор выразил в статье еще одну важную позицию, касающуюся форм подачи информации, поддержанную и внедренную впоследствии в работах Вергуна: доступность, простота и наглядность.

Работа Вергуна «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах», как и описанная выше статья Горлова, вышли до того, как появились научные работы, в которых был использован термин *imaginary maps*, то есть «воображаемая карта»¹⁶, и задолго до научных работ, которые доказывают, что картографические способы визуализации способствуют конструированию собственных воображаемых миров, а ментальные карты остаются «одной из разновидностей (географического) образа»¹⁷. По нашему мнению, ментальная карта в значении «когнитивной репрезентации информации об окружающем мире, которую человек приобретает из различных (прямых или

¹³ Славянский век. 1904. № 92. С. 561, 562.

¹⁴ Горлов В. Что нужно русской школе // Славянский век. 1904. № 83. С. 322–323.

¹⁵ Там же. С. 323.

¹⁶ См., напр., Trowbridge C. C. On fundamental methods of orientation and — imaginary maps // Science. 1913. New Series. Vol. 38, № 990. P. 888–897.

¹⁷ Tuan Y.-F. Images and mental maps // Annals of the Association of American Geographers. 1975. Vol. 65, № 2. P. 209.

косвенных) источников»¹⁸, то есть как отчетливый образ какого-либо пространства (социального и территориального), может возникнуть при совокупном воздействии средств репрезентации: визуальном и вербальном. Именно поэтому географические карты, составленные Вергуном, стали неотъемлемой частью основных его работ с 1904 по 1915 г. Они выполняли три основные функции: первая — аргументация информации, изложенной в тексте, вторая — дублирование информации путем ее визуализации, тем самым способствующая более прочной фиксации в памяти, третья — создание целостного визуального образа описываемого пространства, удаленного от адресата, нацеленного «приблизить» объект к читателю.

«Этнографическая карта военных действий»

«Этнографическая карта военных действий», вероятно, была составлена Д. Н. Вергуном в начале Первой мировой войны. Впервые вместе с фрагментом текста она была напечатана в «Холмском народном календаре на 1915 г.», изданном в 1914 г. под редакцией Е. В. Ливотова¹⁹. В 1915 г. карта была опубликована в брошюре «Что такое Галиция?» и использована в качестве иллюстративного материала, но уже под названием «Зарубежная Русь. Этнографическая карта, составленная Д. Н. Вергуном» в брошюре А. Погодина «Зарубежная Русь», вышедшей в 1915 г.²⁰ Карта представлена в единой цветовой палитре, три области обозначены коричневым цветом: самая маленькая по площади из рассматриваемых областей — северная Буковина — отмечена темно-коричневым цветом, Галиция — более светлым, Угорская Русь — самым светлым оттенком. Карта содержит линейные условные знаки, топонимические названия на русском языке, подробные обозначения сопредельных территорий и населяющих их народов: поляки, словаки, мадьяры, румыны. На выделенной цветом территории «Зарубежной Руси» автор нанес лишь одно слово — «русские». Легкий для восприятия характер карты способствует усвоению образа территории, ее ландшафта, а свободно воспринимаемые для русскоязычного читателя топонимические названия вызывают ассоциацию с исконно русскими владениями (см. цв. вклейку, рис. 22).

Эта карта была создана в сложный исторический период изменения государственных границ. В брошюре «Что такое Галиция?» Вергун, ярый сторонник разделения Галиции на польскую и русскую части, определяет австрийскую провинцию как «австрийское месиво из древней Червоной Руси и краковской Малой Польши»²¹. Автор ссылается на воззвание верховного главнокомандующего, великого князя Николая Николаевича, к полякам, в котором звучит фраза «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ», послужившая, вероятно, поводом для очередного высказывания своих позиций²². Вербально и визуально, с помощью прилагаемой карты, Вергун в очередной раз продемонстрировал свою позицию по поводу необходимости «разделения Галиции на русскую и польскую части по этнографической границе», которую он высказал еще в 1898 г. в «Программе червонорусской молодежи», что служило, по его мнению, «этнографической целостности русского народа и справедливого разграничения русского и польского племен»²³. В тексте брошюры 1915 г. он снова повторяет ту же мысль:

Восточная часть Галиции, древняя «Галичина» воссоединится теперь навеки с Россией, а западная будет в свое время присоединена к объединенной Польше. Все это сулит новый расцвет, как русскому, так и польскому Прикарпатыю²⁴.

¹⁸ Klippel A. Mental maps // Encyclopedia of Geography. SAGE Publications, 2010. URL: <http://sk.sagepub.com/reference/geography/n762.xml> (accessed: 19.03.2020).

¹⁹ Холмский народный календарь на 1915 г. / под ред. Е. В. Ливотова. Холм, 1914. С. 127.

²⁰ Погодин А. Л. Зарубежная Русь // Знание для всех: общедоступный журнал для самообразования с картинками в красках и иллюстрациями в тексте. 1915. № 1. С. 16, 17.

²¹ Вергун Д. Н. Что такое Галиция? Пг., 1915. С. 54.

²² Воззвание Верховного Главнокомандующего полякам 1/14 августа 1914 г. // Известия Министерства иностранных дел. 1914. Кн. 5. С. 41.

²³ Цит. по: Чемакин А. А. Истоки русской национал-демократии. 1896–1914 гг. СПб., 2018. С. 340.

²⁴ Вергун Д. Н. Что такое Галиция? С. 54.

Образ «русской» Галиции визуализируется Вергуном на его этнографической карте, где границы Галиции, относящейся к «Зарубежной Руси», находятся в традиционных пределах восточной Галиции: западная часть, находящаяся за рекой Сан, лежит вне выделенной коричневым тоном территории. Вместе с тем в тексте брошюры вопрос о западных границах Галичины решается несколько иначе. Для их более точного определения Вергун задействовал критерии определения русской национальности:

1) Православное вероисповедание (в Буковине сплошное, — и отдельные общины в Галиции и Венгрии); 2) Восточный обряд греко-униатской церкви; 3) Обиходное местное русское наречие в части населения, официально приписанного к римско-католической церкви в восточной Галиции; 4) «Сознание принадлежности к «старой вере» (o-hid) среди «омадьяренного» населения северо-восточной Венгрии и название «ogosz» (русский)²⁵.

Пользуясь этими критериями, Вергун значительно расширяет западные границы «русской части» Галиции, перенося их за реку Сан, включая в свою «Прикарпатскую Русь» районы расселения русинов-лемков в прикарпатской части Западной Галиции:

Если руководствоваться этим критерием, то русскими нужно будет одинаково признать и те деревни на западной стороне от реки Сана, в которых говорят уже по-польски, но молятся еще по-русски...²⁶

Таким образом, «западную границу русского племени нужно вести, переходя из Холмской губернии, по реке Сану, притоку его реки Вислоку до истоков Дунайца»²⁷. Важно отметить, что в этом месте текста находится расхождение вербального и визуального образов, ведь составленная Вергуном карта ограничивает область «русской» Галиции на западе рекой Саном, исключая реки Вислок и Дунаец.

Картографический образ Северной Буковины появился на карте Вергуна, когда вопрос фиксации границ активно обсуждался в связи с международными событиями. Буковина, один из трансграничных европейских регионов, который в настоящее время разделен между Украиной и Румынией, в начале XX в. представляла собой один из регионов цислейтанской части Австро-Венгрии. Примечательно, что в предвоенный период тема Буковины не выходила на передний план в публицистических работах авторов периодических изданий, а вкраплялась в общий контекст проблем славянства²⁸. Одно из первых описаний Буковины появилось в 1904 г. у Е. И. Де-Витте, активно сотрудничавшей с журналом «Славянский Век», в книге «Путевые впечатления (с историческими очерками). Лето 1903 г. Буковина и Галичина». Е. И. Де-Витте продолжает тематическую линию повествования о Буковине, появившуюся ранее в книге Ф. И. Свистуна «Прикарпатская Русь под владением Австрии», в которой сведения о Буковине, преимущественно экономического характера, лишь вкрапляются в повествование о Галиции и в целом о Прикарпатской Руси²⁹. Однако

²⁵ Там же. С. 11.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 13.

²⁸ Так, например, в одном из номеров «Славянского Века», в рубрике под названием «Из Подъяремной Руси», в очерке Вл. Щавинского, озаглавленном «Буковинская Русь», поднимается проблема насильственной украинизации исконно русского населения, как одной из сторон внутренней политики Австрии (Щавинский Вл. Из подъяремной Руси // Славянский век. 1904. № 88. С. 488). Примерно в этот период в журнале «Славянские известия» Славянского благотворительного общества Буковины была представлена в сухих цифрах хроники с указанием доли славянского населения (без конкретных данных по этническому составу). Например, в январском номере за 1903 г., в рубрике «Хроника», в колонке «Численность населения Австрии» давались данные переписи за 1900 г.: «Буковина: 325,251 слав., 159,486 немц., 299,018 румын, 9,516 мадьяр. Из них — 86,656 римо-кат., 23,388 униатов, 500,262 правосл., 19,272 протест., 10 старо-катол., 3 магомет., 96,150 идуд. конфесс., 4,414 др. вероисповед.» (Славянские известия. 1903. № 4. С. 58). В следующем номере, в рубрике «Хроника», появляется небольшая статья «Германизация православной Буковины», созвучная с главной темой брошюры Вергуна «Немецкий Drang nach Osten в цифрах и фактах» и со статьей Щавинского в журнале «Славянский век», а также информацией, изложенной Де-Витте в «Путевых впечатлениях» (Славянские известия. 1903. № 5. С. 50).

²⁹ Свистун Ф. И. Прикарпатская Русь под владением Австрии. Часть вторая. Львов, 1896. С. 651–652.

Де-Витте в своей работе уже посвящает отдельную главу Буковине, открывая ее описанием свои «Путевые заметки». С первых же строк она описывает эту область как «искони русский край» с необычайно богатой природой: горы, реки, леса, «плодородные поля», «тучные луга», «роскошные фруктовые сады, согреваемые южным солнцем», равнины с множеством «высоких могил и курганов, свидетельствующих о великих сражениях, о других важных исторических событиях и погибших богатырях, которых память хранится в преданиях верного народа», и повсюду видны «наши родные хаты»³⁰. От описания природных богатств края автор переходит непосредственно к созданию образа русского народа. Де-Витте выделяет три группы русских в зависимости от их обычаев, одежды, говора, внешности и характера:

1 — подолян, или жителей равнин, 2 — гуцулов, жителей гор, 3 — филиппован, великороссов-старообрядцев. Подоляне и филипповане лицом белы, глаза и волосы светлые или несколько темноватые. Гуцулы смуглы, глаза и волосы черные или очень темные. Подоляне низки ростом, гуцулы высоки и стройны, филипповане — толсты. Характер подолян и гуцулов мягкий, у филиппован — твердый. Но все они добродушны, дружелюбны, гостеприимны, трудолюбивы, честны и религиозны³¹.

Де-Витте первая из современников обосновывает в своей работе эпитет «искони русский» край исторической справкой. Точкой отсчета автор считает X в., когда «славяно-русские племена тиверцев и угличей <...> под напором угров, печенегов и половцев покидают свои места между Днестром, Дунаем и Черным морем, начинают продвигаться к верховьям нижнего Буга, Днестра, Прута и Серета, куда также из-за Карпатских гор спустилось румынское племя»³². В тексте четко очерчивается территория, на которой осели славяноруссы: полоса земли между Нижним Бугом, Днестром, Карпатами, до самого северного Дуная. Важным моментом является введение в повествование политического форманта в виде персоналий, исторических деятелей, в качестве аргументационного элемента дескриптивного высказывания, предназначенного для обоснования тезиса об «исконной территории»:

Начиная с XII в. образовалось сильное галицко-русское княжество Владимира Володаревича, из рода Ростиславичей (внуков Ярослава Мудрого). Галицкому князю Ярославу Владимировичу Осмомыслу (1153–1181) принадлежало все Подунавье от Железных ворот на нижнем Дунае до Черного моря³³.

Новое звучание тема Буковины приобрела в начале Первой мировой войны. В националистическом дискурсе акценты были уже расставлены иначе. Это было обусловлено преимущественно российско-румынскими отношениями и притязаниями Румынии. Согласно конвенции, которая была подписана 18 сентября (1 октября) 1914 г. между Румынией и Россией, разграничение в Буковине между российской и румынской территорией должно было проходить по принципу этнографического большинства³⁴. В ноте министра иностранных дел румынскому посланнику в Петрограде Константину Диаманди говорится, что Россия принимает на себя обязательство признать за Румынией право присоединить населенные румынами области Австро-Венгрии, «а что касается специально Буковины, то принцип большинства населения будет служить основанием для разграничения территорий, которые должны быть присоединены или к России, или к Румынии»³⁵. Тем не менее позже, со смертью короля Карла I, исчез тормоз, сдерживавший Румынию от выступления против

³⁰ Де-Витте Е. Путевые впечатления (с историческими очерками). Лето 1903 г. Буковина и Галичина. Киев, 1904. С. 7–31.

³¹ Там же. С. 10, 11.

³² Там же. С. 11.

³³ Там же.

³⁴ Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969. С. 122.

³⁵ Нота министра иностранных дел румынскому посланнику в Петрограде Диаманди // Международные отношения в эпоху империализма: документы из архивов царского Временного правительства 1878–1917 гг. М.; Л., 1935. Сер. 3: 1914–1917. С. 341–342.

Австрии, а новый король Фердинанд, считавший себя знатоком военного дела, прельстившись военной славой, не имевший заслуг перед страной, воспользовался случаем, чтобы стяжать себе привязанность народа осуществлением национальных вождедений, нарушил нейтралитет и вступил в войну на стороне Антанты. Представители румынской дипломатии воспользовались сменой позиции Румынии в войне и заявили о том, что Россия должна отказаться от ранее заявленного принципа определения границ. Притязания Бухареста выражались уже в установлении границ Буковины по линии Прута³⁶. Именно в таком политическом контексте, на наш взгляд, следует рассматривать нарратив, касающийся Буковины, деятелей славянофильского движения в России в этот период. В тексте, озаглавленном «Наши интересы в Румынии», находящемся в архиве РГИА, Д. Н. Вергун, предлагая создать в Черновцах духовный славянский центр, осознает существование возможности отхода части территории к Румынии, но при этом считает, что, как бы ни складывались обстоятельства, необходимо использовать любую возможность для распространения русского влияния и сохранения русской культуры в этом регионе:

Коли бы столица Буковины Черновцы остались за Россией, на что последняя за понесенные ею жертвы не предусмотренные в договоре 4 августа имеет полное право, — необходимо богословский факультет черновицкого университета превратить в новую духовную академию, приспособленную для духовных нужд не только Карпатской Руси, но и для румын и для балканских славян³⁷.

Предположительно к периоду, когда Румыния начала претендовать на большую территорию Буковины, нежели было оговорено в начале войны, относится и другой документ, находящийся в личном архиве Д. Н. Вергуна в РГИА, озаглавленный «Буковина — издревле русский край», где автор старается обосновать общее историческое прошлое Буковины и России. Для обоснования эпитета «издревле русский край» Вергун использует ряд аргументов. Связь Буковины с древнерусской историей автор обнаруживает в письменных источниках: древних летописях, артефактах, принадлежащих к древнерусской языческой культуре, упоминание в «Слове о полку Игореве»³⁸. Текст Вергуна содержит доказательства неправомерности притязания Румынии на включение шести из одиннадцати уездов Буковины в состав страны, однако автор признает, что пять Буковинских уездов уже подверглись румынизации. Упомянув события середины XIV в. и польского короля Казимира Великого, Вергун комментирует события с точки зрения права румын на землю, эксплицитно выражая мысль о неправомерности румынских притязаний:

Румыны появляются в Буковине только в половине XIV века, когда после нашествия татар пало Галичско-Русское княжество и Галичская Русь досталась польскому королю Казимиру в 1340 г., а Буковинская Русь Валашскому воеводе Драгушу в 1342 г. явившемуся в Буковину в качестве наместника венгерского короля Людовика I. Так что исторические права на Буковину поэтому имели бы скорей венгры, чем румыны³⁹.

Основным аргументом на историческое право владения территорией выступало в тексте более раннее появление славянских племен на этой земле. Современная румынская историография также начинает отсчет владения Буковиной с XIV в., называя эту землю «ядром Молдавского княжества»⁴⁰. Вергун разделяет русские и румынские уезды, не только ограничивая румынские притязания, но и подтверждая их право на часть территории, указанной российским правительством: «... румынам действительно удалось обрумынить пять Буковинских уездов: Сучавский, Гурагуморский,

³⁶ Благодатских И. Буковина в российско-румынских отношениях в годы Первой мировой войны // Русин. 2006. № 1 (3). С. 72–73.

³⁷ Вергун Д. Н. Русские интересы в Румынии // РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 7. Л. 2.

³⁸ Вергун Д. Н. Буковина — издревле русский край // РГИА. Ф. 909. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

³⁹ Там же. Л. 2.

⁴⁰ Nacu A. Atlas istoric al Bucovinei. București, 2018. P. 7. URL: https://www.academia.edu/37124727/Atlas_istoric_al_Bucovinei_Historical_atlas_of_Bukovina_Bucure%C8%99ti_Editura_Academiei_Rom%C3%A2ne_2018 (accessed: 01.12.2021).

Радовецкий, Кымполунгский и отчасти Сторожинецкий, в то время как шесть уездов — Заставненский, Коцманский, Черновецкий, Васковецкий, Выжницкий и Сиретский еще до сих пор сохранили русский этнографический характер своего исконного населения»⁴¹. Текст был составлен Вергуном в тот момент, когда перед Россией стояли сложные задачи: с одной стороны, необходимо было четко разграничить «румынскую» и «русскую» доли Буковины, что было обусловлено притязаниями Румынии на часть Буковины, входившей на тот момент в состав Австро-Венгрии, а с другой стороны, Россия стремилась укрепить доверие к себе со стороны Румынии, видя в ней союзника в борьбе против Австро-Венгрии. Однако центр тяжести в момент написания статьи находился, по всей вероятности, на стороне тех, кто отстаивал, прежде всего, территориальные интересы России. Не случайно завершающим аккордом текста является цитата из воззвания Верховного главнокомандующего (Великого Князя Николая Николаевича) к русскому народу в 1914 г.: «Да не будет больше подъяремной Руси! Достояние Владимира Святого, земля Ярослава Осмомысла и князей Даниила и Романа, сбросив иго, да водрузит стяг единой, великой и нераздельной России».

На карте, составленной Вергуном в первый год войны, северная часть этой австрийской провинции представлена как часть «Зарубежной Руси» и отмечена самым ярким, темно-коричневым, цветом, а в самой брошюре, содержащей эту карту, географическое описание Буковины вкрапляется в общее описание «Зарубежной Руси». С одной стороны, Вергун визуально выделяет эту область, а с другой, показывает ее приграничный статус, обозначая границу «Зарубежной Руси» не только с Бессарабской губернией Российской империи, но и с южной Буковиной, которую Вергун, вероятно, был готов уступить Румынии, а в тексте брошюры Северная Буковина тесно связывается с Галицией.

Репрезентация Угорской Руси, третьей, самой отдаленной от государственной границы с Российской империей области «Зарубежной Руси», на страницах русскоязычной печати начала XX в. производилась преимущественно посредством критики, направленной на венгерское правительство. Так, например, на страницах журнала «Славянский Век» был использован способ представления информации «от первого лица», то есть посредством публикации писем читателей с комментариями редактора. В одном из номеров за 1904 г. в рубрике «Всеславянское вече» под заголовком «Славянский век в Венгрии» было опубликовано письмо, в котором читатель, за подписью «Угрорус» (в сноске было указано, что автором письма был «простой угрорусский крестьянин»), обращаясь к редактору, рассказывал о строгом контроле со стороны жандармов, о запрете чтения журнала «Славянский Век»: «...нас теперь угнетают за наше намерение на православие <...> Благодарю вас за вашу любовь к нам подъяремным угрорусинам! Здравствуйте и действуйте во мире с Богом». Комментируя информацию, изложенную в письме, Д. Н. Вергун пишет далее в редакторской заметке, что в Венгрии уже несколько человек пострадало за чтение журнала «Славянский Век», который «служил главной уликой их панславистских стремлений якобы опасных существованию Венгрии»⁴².

С крайне негативной позицией касательно политики венгерских властей в отношении восточнославянского населения с Д. Вергуном были солидарны авторы журнала «Известия Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества»⁴³. В информационных статьях за 1902 г. в рубрике «Хроника» под заголовком «Голод в Угорской Руси», со ссылкой на ужгородское издание «Наука», дается удручающая картина положения «русского крестьянства»:

...русскому населению, живущему в северной Угорщине в Карпатах, угрожает ужасный голод. В некоторых окрестностях народ уже в настоящее время не имеет ни хлеба, ни картофеля, а других запасов хватит лишь до рождественских праздников. В Берегском округе свирепствует голод в 30 селах <...>. В некоторых селах русские крестьяне не только не имеют чем питаться, но для них нет, во что одеться⁴⁴.

⁴¹ Вергун Д. Н. Буковина — издревле русский край. Л. 2.

⁴² [Б. а.] Славянский Век в Венгрии. Всеславянское вече // Славянский век. 1904. № 91. С. 554.

⁴³ См. об этом: Поповкин А. А. Славянские благотворительные общества в Москве и Санкт-Петербурге: 1858–1921 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Воронеж, 2013. С. 376–399.

⁴⁴ Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (Славянские известия). 1902. № 3. С. 54.

Жизнь восточнославянского населения области рисуется в мрачных красках и в другой статье:

Совершенно уже грустную картину представляет жизнь горсти русского населения в Угорской Руси, потерявшего всякую политическую и церковную самостоятельность и являющегося в настоящее время предметом жестокой эксплуатации еврейского капитализма и мадьяризации⁴⁵.

Описывая тягостное положение, в котором, по их мнению, находилось восточнославянское население края, авторы «Известий» не только критиковали венгерскую внутреннюю политику, но и создавали мрачный и негативный образ европейского «либерализма» вообще, воплощенного, по их мнению, в политике Австро-Венгрии. Так, в одной из статей сочувственно цитируется высказывание одного из культурных деятелей «Угорской Руси», Евгения Фельцика («умирающий народ среди гуманной, либеральной и цивилизованной Европы»), после чего следует многозначительный вывод уже от лица самого журнала: «Народ умирает медленно, но верно под насильственной рукой. Таков уже непонятный цинизм современного гуманизма, либерализма, прогресса и тому подобных громких слов и темных дел»⁴⁶. Единомышленник и коллега Д. Н. Вергуна А. Л. Погодин в работе «Зарубежная Русь» идет еще дальше, уподобляя социальные проблемы венгерских русинов положению славян в средневековых немецких государствах:

Подобно тому, как в немецких странах в средние века славянство не пользовалось никакими правами и было гонимым и презираемым племенем, так и в Венгрии оно представляло бесправную порабощенную крепостную массу. Здесь не было уже решительно никого, кто мог бы вступить за русский народ, и даже духовенство должно было работать на господ⁴⁷.

В общую тему национального «угнетения» авторы данного направления вписывали также образовательную политику властей. Они полагали, что, получая образование в местных школах, люди более не причисляли себя к угорским русским, то есть происходил сдвиг этничности на базе социального сдвига.

На карте Вергуна Угорская Русь, отделенная от остальных двух других областей «Зарубежной Руси» горной цепью Карпат, имеет весьма четкие очертания. В отличие от Буковины, кроме обозначений рек, Вергун поместил на карту Угорской Руси отметки и названия населенных пунктов. В соответствии с принятой в то время системой условных обозначений⁴⁸, особыми знаками на территории Угорской Руси были отмечены епархиальные центры (Ужгород, Пряшев (совр. Прешов)), крупные (Сигот (совр. Сигету-Мармацией), Новгород-Угорск (совр. Уйгель), Левоча, Бардеёв, Межилаборцы (совр. Медзилаборцы), более мелкие города (Ужок, Требишов, Тячево (совр. Тячев) и др.) и даже села (Квасово, Добрынь (совр. Велика Добронь)). Угорская Русь отделена от Галиции и Буковины прерывистой линией с двумя точками, обозначением, принятым для фиксирования границ уездов и губерний, которая нанесена на зону расположения Карпатских гор. Внешняя западная и южная граница «Зарубежной Руси» почти полностью совпадают с границей Угорской Руси на этом участке и отмечаются, на наш взгляд наиболее четкой детальной графической фиксацией. Таким образом, область на карте представляет собой территорию, заключенную в конкретные границы. Однако в брошюре «Что такое Галиция?», в которой была опубликована эта карта, Вергун не выделяет в отдельную тему описание географических, исторических и других особенностей Угорской Руси как самостоятельной территории, включая данные об этой области в общую картину. Не считая корректными данные австро-венгерской переписи населения 1910 г., Вергун стремится расширить западные рубежи Угорской (а следовательно, и всей Зарубежной) Руси, включая в ее состав:

...те деревни в Спишском, Шаришском, Абауй-Торнянском и Земплинском комитатах Венгрии, которые приписываются к словакам, но в которых, благодаря сохранению восточного обряда,

⁴⁵ Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества (Славянские известия). 1904. № 1. С. 91.

⁴⁶ Там же. С. 91, 92.

⁴⁷ Погодин А. Л. Зарубежная Русь. С. 12.

⁴⁸ См., например: Условные знаки для планов и карт межевого ведомства / сост. П. П. Левитский. М., 1914.

не исчезло еще сознание принадлежности их к русскому племени (Сотаки, Цеперяки и Карпяки) <...> и, наконец, тех венгерцев Мараморошского, Бережского и Заболочского (Саболча) комитатов, на западе от гор. Густова, в которых не исчезло сознание принадлежности к «старой вере» и русскому («ogosz») племени не только в Мукачевской и Пряшевской, но и в Гайду-Дорожской униатской епархиях за Карпатами⁴⁹.

Однако заметим, что не все из перечисленных топонимических названий отмечены на карте. Включая Угорскую Русь в общий географический план с Галицией и Буковиной, Вергун лишь в общих чертах описывает западные границы «Зарубежной Руси»:

...западную границу русского племени нужно вести <...> перевалив Карпатские горы, по Попраду и водоразделу притока Дуная р. Вага и западных притоков реки Тиссы до города Токая, восточной границей — истоки реки Вышевой, притока Тисы⁵⁰.

Д. Н. Вергун визуализировал с помощью карт информацию не только в своих печатных работах (кроме приведенных можно упомянуть вышедшую в 1911 г. брошюру «Россия и Турция. Взаимные отношения. Войны. Нынешнее положение Турции»⁵¹), но и в своих выступлениях, о чем свидетельствуют, например, стенографические отчеты заседаний «Общества Славянской Взаимности»⁵².

Карты Д. Вергуна не существовали отдельно, они всегда были привязаны к тексту. Карты и тексты, составленные им и его единомышленниками, дополняя друг друга, воспроизводят информацию, формирующую четкое представление у читателей о территории «Зарубежной Руси». Ни карты, ни тексты, взятые по отдельности, не способны структурировать воображение читателей в полном объеме, в задуманном авторами ракурсе, так, как это делает комплексная репрезентация. Комбинация текстовой и картографической информации способствует формированию более четкого образа пространства, причисляемого к исконно русским землям.

REFERENCES

Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni natsionalizma* [Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism]. Moscow: Kuchkovo pole Publ., 2016. (in Russ.).

Blagodatskih I. M. [Bukovina in Russian-Romanian relations during the First World War]. *Rusin* [Rusin], 2006, no. 1 (3), pp. 66–81. (in Russ.).

Fominykh S. F., Zinov'ev V. P. [The Magazine "Slavic Century" as a Source for the History of the Rusins]. *Rusin* [Rusin], 2015, no. 1, pp. 83–94 (in Russ.).

Harley J. Cartography, ethics and social theory. *Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization*, 1990, no. 27, pp. 1–24. (in English).

Harley J. Deconstructing the Map, *Cartographica. The International Journal for Geographic Information and Geovisualization*, 1989, no. 26, pp. 1–20. (in English).

Klippel A. *Mental maps. Encyclopedia of Geography*. Thousand Oaks, California: SAGE Publications, 2010. Available at: <http://sk.sagepub.com/reference/geography/n762.xml> (accessed: 19.03.2020). (in English).

Miller A. I. [The mental maps of the historian. And the associated dangers]. *Istoricheskiye zapiski* [Historical Notes]. Moscow: Nauka Publ., 2002, no. 5 (123), pp. 323–333. (in Russ.).

Miller A.I. *Imperiya Romanovyh i nacionalizm: esse po metodologii istoricheskogo issledovaniya* [The Romanov Empire and Nationalism: Essays on Methodology of Historical Research]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. (in Russ.).

⁴⁹ Вергун Д. Н. Что такое Галиция? С. 12.

⁵⁰ Там же. С. 13.

⁵¹ Вергун Д. Н. Россия и Турция. Взаимные отношения. Войны. Нынешнее положение Турции. СПб., 1911. С. 31.

⁵² Война на Балканах. Стенографический отчет торжественного публичного заседания Общества Славянской Взаимности в зале Дворянского Собрания 22 Октября 1912 г. СПб., 1912. С. 16, 17.

Nacu A. *Atlas istoric al Bucovinei* [Historical Atlas of Bukovina]. București: Editura Academiei Române, 2018. Available at: https://www.academia.edu/37124727/Atlas_istoric_al_Bucovinei_Historical_atlas_of_Bukovina_Bucure%C8%99ti_Editura_Academiei_Rom%C3%A2ne_2018 (accessed: 01.12.2021). (in Romanian).

Popovkin A. A. *Slavyanskije blagotvoritelnye obshchestva v Moskve i Sankt-Peterburge: 1858–1921 gg.: kand. diss.* [Slavic charitable societies in Moscow and St Petersburg: 1858–1921: Diss. Cand.]. Voronezh, 2013. (in Russ.).

Schenk F. B. [Mental maps: construction of geographical space in Europe]. *Politicheskaya Nauka* [Political science], 2001, no. 4, pp. 4–17. (in Russ.).

Sulyak S. G. [On the Carpathian Rus' Terminology], *Rusin* [Rusin], 2019, no. 55, pp. 272–316. (in Russ.).

Tuan Y.-F. Images and mental maps. *Annals of the Association of American Geographers*, 1975, vol. 65, no. 2, pp. 205–213. (in English).

Vinogradov V. N. *Rumyniya v gody Pervoj mirovoj vojny* [Romania during the First World War]. Moscow: Nauka Publ., 1969. (in Russ.).

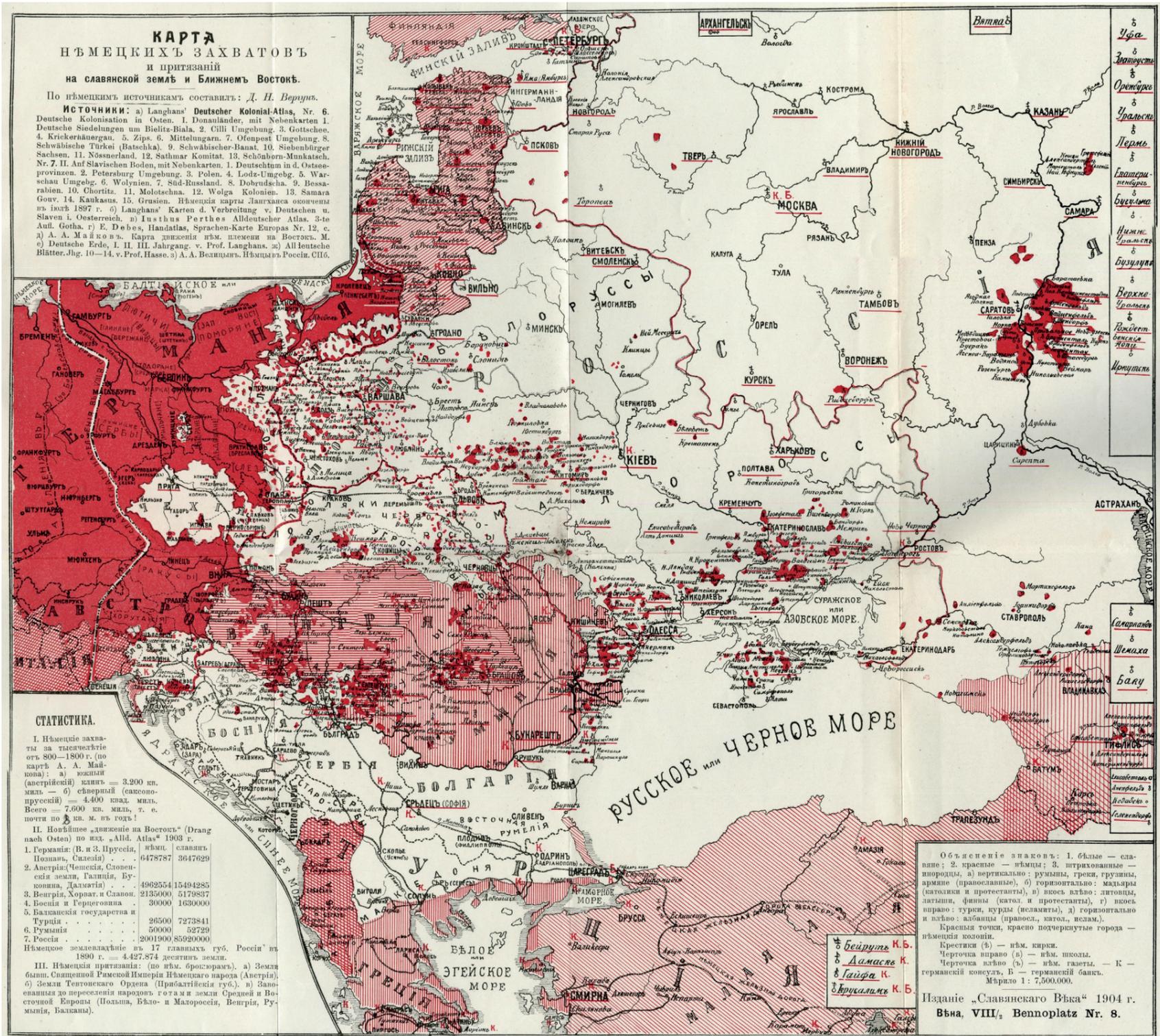

Рис. 21. Карта немецких захватов и притязаний на славянской земле и Ближнем Востоке (1904)

Рис. 22. Зарубежная Русь. Этнографическая карта, составленная Д. Н. Вергуном (1915)